

ПОЛИС

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2'2012

Научный и культурно-просветительский журнал

Издается с 1991 г.

Выходит 6 раз в год

№ 2 (128) 2012

Читайте
в следующих
номерах:

Королевство кривых зеркал:
манипулирование массовым
сознанием

В. Иноземцев. Российская
экономическая политика после
президентских выборов

Ельцин и Путин:
демократизация
в сравнительной перспективе

Тезаурус:
“Политическая наука”,
“Современный фашизм”

POLIS
www.polistudies.ru
www.polisportal.ru

Political Studies

“ПОЛИС” (“ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ”),
 ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН
 ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
 “РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ”

Международный
 Консультативный совет:

И. К. ПАНТИН, А. БРАУН, Б. ВИТРОК, Г. ВОДОЛАЗОВ,
 А. А. ГАЛКИН, М. К. ГОРШКОВ, В. А. ГИТОВ, Б. Г. КАПУСТИН,
 И. М. КЛЯМКИН, Т. КОЛТОН, В. С. ДАРСЕН, М. МЕНДРАС,
 В. В. МИРОНОВ, Е. Н. МОШЕЛКОВ, А. И. НИКИТИН, Р. САКВА,
 Н. СИМОТОМАИ, А. СТЕЦАН, А. ДЕ ТЕНТИ, Л. А. ФАДЕЕВА,
 А. Ф. ФИЛИППОВ, Ф. ШМИТТЕР

Редакционная коллегия:

Т. А. АЛЕКСЕЕВА, О. В. ГАМАН-ГОЛУВВИНА,
 В. Я. ГЕЛЬМАН, А. А. ДЕПТЕРЯВ, Н. В. ЗАГЛАДИН, А. Б. ЗУБОВ,
 О. В. КРЫШТАНОВСКАЯ, А. С. КУЗЬМИН, В. В. ЛАПКИН,
 М. М. ЛЕБЕДЕВА, О. Ю. МАЛИНОВА, Б. В. МЕЖУЕВ,
 А. Ю. МЕЛЬВИЛЬ, И. К. ПАНТИН, В. В. ПЛАТУХОВ,
 С. В. ПАТРУШЕВ, В. В. ПЕТУХОВ, Ю. С. ПИВОВАРОВ,
 Я. А. ПЛЯДС, В. М. СЕРГЕЕВ, И. С. СЕМЕНЕНКО,
 Л. В. СМОРГУНОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, И. А. ХАЛИЙ,
 С. В. ЧУПРОВ, Е. Б. ШЕСТОПАЛ

Политический директор:

И. К. ПАНТИН

Главный редактор:

С. В. ЧУПРОВ

Редакция:

А. Л. БАРДИН, Л. Н. КУЗНЕЦОВА, М. В. ЛАПКИНА,
 В. В. ЛАПКИН (первый зам. главного редактора),
 Е. В. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь),
 А. Н. КОКАРЬЕВА, А. Л. СИДОРОВ

Компьютерная верстка:

А. В. АЛЕКСАНДРОВ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Он отвечает требованиям условиям включения в Перечень – включения текущих номеров или переводных версий на иностранном языке в одну из систем штрихования (библиографических баз) Web of Science, Scopus, Web of Knowledge, Astrophysics, PubMed, Mathematics, Chemical Abstract, Springer, Agri.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ЖУРНАЛА ПИ № ФС77-35342 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 17 февраля 2009 г.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

© “Полис. Политические исследования”, 2012

Страницы журнала всегда открыты для дискусионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения Ученителей и Редакции.

ПОЛИС

2011

СОДЕРЖАНИЕ

4 Представлено номер	
8 А. Ю. Мельвил, Д. К. Стукал, М. Г. Миронюк	Траектории режимных трансформаций и типы государственной самостоятельности
31 А. Б. Семенов, В. А. Колосов	Феномен неконтролируемых территорий в современном мире
47 В. М. Сергеев, С. Н. Сарухьян	Ближний Восток в поисках нового регионального центра
62 Н. А. Васильева, М. Л. Дагутина	К вопросу о предмете философии мировой политики
70 А. И. Неклюсс	Будущее и тридцать лет кризис современного мира
85 С. В. Дурье, Л. Г. Казарян	Мировая политика и ее протнотические индикаторы
98 Д. Лэйн	Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии
117 Крултый стол журнала “Полис”	ОВО VADIS? Перспективы становления гражданского общества в России (Часть 1)
141 В. П. Макаренко	Общественный договор и проблема молчаливого согласия
152 В. В. Кочетков	Социальный вопрос и конституционализм
164 Е. В. Михайлова, А. Л. Бардин	Электронная библиотека по гражданскому обществу
166 Г. В. Пущаева	Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации
177 А. А. Казанцев	Либеральный подход к внешней политике России. На полях книги Владимира Петровского
182 И. И. Осинский	Кентавр-проблематика Жана Тошенко
186 Л. В. Поляков	Теория nation-building Святослава Каспа
190 Содержание и аннотации на английском языке	

ТЕМА НОМЕРА:
 МИРОВАЯ ПОЛИТИКА
 ЭПОХИ ПЕРЕМЕН.
 ПРОБЛЕМЫ
 И ПРОТИВОРЕЧИЯ

ИДЕИ
 НА ВЫРОСТ

ЛАБОРАТОРИЯ:
 ГРАЖДАНСКОЕ
 ОБЩЕСТВО
 И СОВРЕМЕННОЕ
 ГОСУДАРСТВО

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СТОПКИ ЗРЕНИЯ
 ПОЛИТОЛОГА

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД
 ПРОЧИТАНЫМИ

ТЕОРИЯ *NATION-BUILDING* СВЯТОСЛАВА КАСПЭ

Д.В. Поляков

Ключевые слова: С.И. Каспэ, Россия, политическая теология, *nation-building*, политическая нация, элита, бизнес, перковь.

Почему об этой книге* стоит говорить? Потому что это книга-страсть. Странно, однако, звучит такая характеристика книги в научном журнале, не правда ли? Но дело в том, что настоящая наука — это тоже страсть. Может быть, даже — в первую очередь, страсть. А если автор пытается создать теорию самого важного — теории построения сообщества, в котором осмыслена и оправдана его жизнь (да что там — его! — шире, безмерно шире! — его близких и дальних, да всех нас, обитателей пространства “Россия”), то это страсть многократно усиленная.

Спешу, однако, успокоить тех, кто несколько может быть удивлен избывточной экспрессией предыдущего абзаца. Она целиком на совести рецензента и отражает лишь степень его увлеченности и зачарованности прочитанным текстом. Таковая степень, подождав, будет очень и очень разной у всех остальных читателей. Но все, книгу прочитавшие, гарантированно сойдутся в одном. Она задает ту теоретико-методологическую планку, ниже которой отныне в дискуссиях и спорах о “сульбе России”, “русской душе”, “национальной идее” опускаться будет невозможно. Хотя бы из уважения к тому предмету, о котором ведутся эти нескончаемые споры.

Относительно этого методологического прогресса стоит отметить один любопытный парадокс. В век постмодернистского не то что соблазна, а уже практически канона, Святослав Каспэ открыто решается на то, чтобы объявить себя структурным функционалистом парсоновско-пилзевского извода. И не просто объявить. Он наглядно, последовательно и доказательно демонстрирует, как эта методология работает. Прием именно в своем классическом виде, который должен быть всего лишь — *revisited*, но отнюдь не — *revised*.

Результатом этого отнюдь не “сентиментального путешествия” становится, во-первых, безупречно аргументированная связь проблематики *nation-building* с не совсем по-лимитовски понимаемой “политической теологией”¹. Что важно для тех, кто начал удивляться, лишь только прочитав название книги. А, во-вторых, четко выстроенная аксиоматика из шести последовательно обуславливающих друг друга тезисов, позволяющая затем повести фундаментальный (в буквальном смысле) разговор о сообществе российских “матерях”. И чтобы читатель дальше мог сам соотнести аксиоматику автора с его же решением “проектировать” вопрос, восприняв эту шеститезисную схему.

ПОЛЯКОВ Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой общей политологии НИУ ВШЭ. Для связи с автором: leoroi@afnetlan.ru

* Каспэ Св. *Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай*. М., РОССПЭН, 2012. — 191 с.

¹ Автор понимает ее как “науку о концептуальной и прагматической соположенности политического и сакрального как сущности смежных начал” (с. 17). В то время как К. Шмитт скорее рассматривает эти “начала” диалектически и даже в отъеме казуального порядка: “Все точные понятия современного учения о государстве представляли собой секуляризованные

Итак, политическая нация есть обязательно сообщество, основанное на пенностях. Пенности отсылают к моральному, сакральному и универсальному измерениям, лежащим за пределами этого сообщества. Сакральное и пенности как его эпифеномен обществом не творятся, наоборот — они и творят общество. Политическая нация, обретая внеположный ей пенностный фундамент сама себя, философски говоря, трансцендирует, т.е., говоря политически, лети тмирует. Обретение пенности — выбор одного их набора вместо другого т.е. — выбор, предпочтение и жертва (одним ради другого).

Тезис шестой есть главный методологический постулат и, соответственно, мост к российскому *casus* у. А потому заслуживает полного цитирования “Политическая нация может возникнуть только в результате *выжуривания* ее пенальной пенностной системы из всей совокупности пенностей, исторически ситуативно доступных для мобилизации в целях *nation-building*, а также результаты выстраивания центральной институциональной системы, с неизбежностью вторичной и служебной по отношению к центральной пенностной, поскольку пенности легитимируют институты, *non vice versa*” (с. 60).

Что же мы, вооруженные такой оптикой даже “ночного видения”, сможем разобрать в наших сумеречных (то ли закятных, то ли предрассветных), усложно говора. Палестинах? А вот что.

В современной России мораль и политика полярно разделены. Причем давняя в последнее времена — вполне сознательно. Из этого неизбежно вырисовывается такая картина. В России есть “государство” со всеми “внешними” признаками но нет “нации”, от имени которой это “государство” должно бы по вышеописанной логике существовать и действовать. В модальности “бы” выходи, что есть тонко “правильная группа”, которая представляет собой нелегитимное (политически) государство перед “населением”. Которое — не будучи консолидированным, а наоборот, будучи предельно атомизированным, именно поэтому и не ставит под вопрос легитимность этого “государства”. Некому этот вопрос ставить!

Строго говоря, автор в эту часть своего логического лабиринта сам не заходит. Но именно факт того, что мысль рецензента как раз сюда и направляется, подкашивает: оно так и задумано. Однако задуманное надо додумывать до конца. И потому рискну предположить, как бы автор ответил на вопрос, а в чем все-таки социальная сверхзадача той ультрапрапатристической “правильной группы”, которая, как кажется, дихотомно “политика — мораль” довела последнее десятилетие до *non plus ultra*?

По-моему, если я правильно освоил авторскую логику, ответ таков: мы имеем парадоксальную ситуацию по принципу “не буди лихо” — отсутствие консолидированной “нации” обеспечивает “легитимность” того “государства”, которое по всем теоретико-методологическим канонам никак не может быть ленту таньми! Иными словами: есть власть, но нет подвластных. Власть правит от имени самой себя (не случайно же — “таргия власти”), и интуитивно (?) стремится прошевать именно это состояние до политически возможной бесконечности.

Но это невозможно по определению — должен будет тут же напомнить на (и самому себе?). Святослав Каспэ. Вопрос о пенностях и легитимации влестя в конце концов должен быть поставлен и решен. Или — без успешной завершения *nation-building* и напичное “государство” развалится как скорлупа

Тогда закономерен вопрос о субъектах строительства нации. Кто они? Партии? — В российском случае это всего лишь симулякры подлинной, пенносно-рациональной, партийности. Не по этому умыслу, а по причине «шпионской» от «партийности» как таковой.

Интеллектуальная? — Она разбита на две элиты (по А. Салмину): одни служат (функциональная элита) власти, другие свободно и в основном антивластно рефлексируют (рефлективная элита). У одних дело без мысли, у других мысль без дела (гоголевские Кифа Мокиевич и Мокшй Кифович наоборот). Бизнес? — Попробовали. Участие в политике бизнеса — вещь табуированная всерьез и надолго. Не говоря уже об изначальном сомнении относительно бизнес как генератора именно моральных ценностей (сакрального).

Церковь? — Остается только она. Церковь есть земное воплощение «сакрального». Церковь есть воплощенная модель решения вопроса об отделеении «российского» от «советского», без чего строительство нации невозможно. Но Церковь — РПЦ Московского Патриархата — все-таки слишком имманентна (при всем ее универсализме) для того, чтобы ей одной воплотить пустоту российского *zeitgeist*'а. Необходим трансцендентный (явственно внешний) источник смыслов и ценностей, способных консолидировать наше народонаселение в «политико» — т.е. политическую нацию. И тут Святой Святослав Касля решает на весьма нетривиальный исследовательский ход. Он обращается к глубокой диакроне и ищет решение в неожиданной (не для него самого, разумеется, как давнего исследователя феномена «имперства») аналогии.

Он предлагает сопоставить распад «советской империи» (социалистической системы) и распад Римской империи 476 г. — X в. В последнем случае выжили только те варварские королевства, которые нашли трансцендентный пенностный центр — Церковь и, впоследствии, Империю. Какой же выбор у России? Это — Запад, Китай, Ислам. Автор смеет, убежденно и методологически безупречно утверждать наш выбор — Запад. Примем в роли — «субцентра».

А почему же не сама Россия? Автор полагает, сама по себе Россия не есть определенное пенностное «послание миру». И в этом месте авторской аргументации возникает определенный зазор, который ренезанту/грек не воспользоваться.

Вопрос ведь не о том, что за весть о России мы посылаем войне; вопрос в том, возможно ли сплотить нас как нацию на признании России самодостойной пенностью? Будет ли это непременно самообожающим на предельно «органицистский» манер (что репрессивируется — в смысле примеров «напизма» или «фапизма»)? Или это будет, например, тот самый «китайский путь», на который ссылаются отнюдь не только коммунисты?

Ведь какая месседж Китая несет миру? Всего лишь — многотысячелетнюю культуруную самообитность, покрепленную бизнес-успехом и военной мощью. Другой вопрос, что Китай (вообще — «Восток») обладает неким универсалистским (именно не универсальным, согласно очень тонкому и точному различению, проведенному Святой Святославом Касля) пенностным ядром. То есть, говоря суубо политически, «мягкой властью» в виде вульгаризованного буллизма, дасказма и прочих производных — альтернативных западному образу жизни жизненных стратегий.

Да, в этом смысле у России, кажется, явный дефицит этой самой *soft power*. Или все-таки кое-что есть за душой? Например, уникальный опыт неко-

нимального имперства и этноконфессионального симбиоза и особенно полуглячающегося сотрудничества христианства и ислама?

Кстати об Исламе. Не есть ли это месседж постсакральному миру — открытое требование возвращения к сакральному? И перспектив создания парадигмальных государств на месте свергнутых «арабской весной» авторитарных режимов — разве не свидетельством этого запроса и этого месседжа? К тому же посылаемого в результате свободного выбора большинства населения этих стран — т.е. по итогам безупречно демократических процедур? Не есть ли это искомое сочетание «морали» и «политики» — на арабский манер?

Поэтому — почему же у России остается только один выход: хоть и через собственную Церковь, но — на Запад? Да еще в роли западного «субцентра»? Ведь если речь идет о «выживании», то это уже совсем не о «пенностях»! Была бы ситуация (точнее — всегда), когда вопрос верности «пенностям» вдобаву стал бы связан с вопросом «выживания». В каком-то смысле это и о ситуации конкуренции Церкви и «советизма». Какой ценой «выжила» Церковь, пойдя на сотрудничество с боготропным и боготворческим коммунистическим режимом? И не было ли это тем самым искуплением, которого Церковь не вынесла, забыв пророческое: «не оживет, аще не умрет»?

И если примеры того же Китая («Восток» как ценностно-культурная альтернатива «Западу») или «Ислама» (морально-политическая альтернатива «Западу») показывают пути не просто автономизации, а обретения «центральности» (без всяких «суб») в ситуации казалось бы свершившегося «конца истории» (а «глобальная империя Запада» и есть смысл фукьямовского пророчества от 1989 г.), то почему же у России должен быть только один путь, да к тому же — «в чужую степь»?

Скажите — не такую уж и «чужую». Мол, а как же — «Христианство» и «300 лет вместе»? С одной стороны, вроде так. А с другой, столь же «легитимной», совсем не так. Потому что до «300 лет вместе» (до Петра) идентичность — национальная русская — строилась на том, что христиане — то именно и только — мы. Поэтому и стали — «крестьяне», составлявшие — то именно и только — мы.

Да — Чадаев. Да — Вл. Соловьев. Да — Бердяев. И — что? Вокруг них, как ни старайся, нацию не построишь. Да и «300 лет вместе» на деле — 300 лет практически беспрепятственных войн. И даже последние, Великая, и та была, в конечном счете, против «Запада», против почти всей континентальной Европы в союзе (отнюдь не «пенностном», а абсолютно и суубо прагматическом) с азиатскими «островными» цивилизациями.

И все же. История повторяется. Примем отнюдь не в виде фарса, а в виде нарастающего трагизма. Потому что со времен Петра Чадаева в русской мысли никто так прямо и беспощадно (к национальному самоощущению), как это сделал Святой Святослав Касля, вопрос о нашем окончательном ценностном выборе и финальной самоидентификации не ставил. Манифест трансцендентального (строго по кантовски) западничества опубликован. Вызов снова — как и 175 лет назад — брошен. Жду симметричного (прежде всего в теоретико-методологическом смысле) ответа от наших новых Хомяковых, Аксаковых и Киреевских. Которые, чтобы завязаться в качестве таковых, для начала просто обязаны эту книгу прочесть.